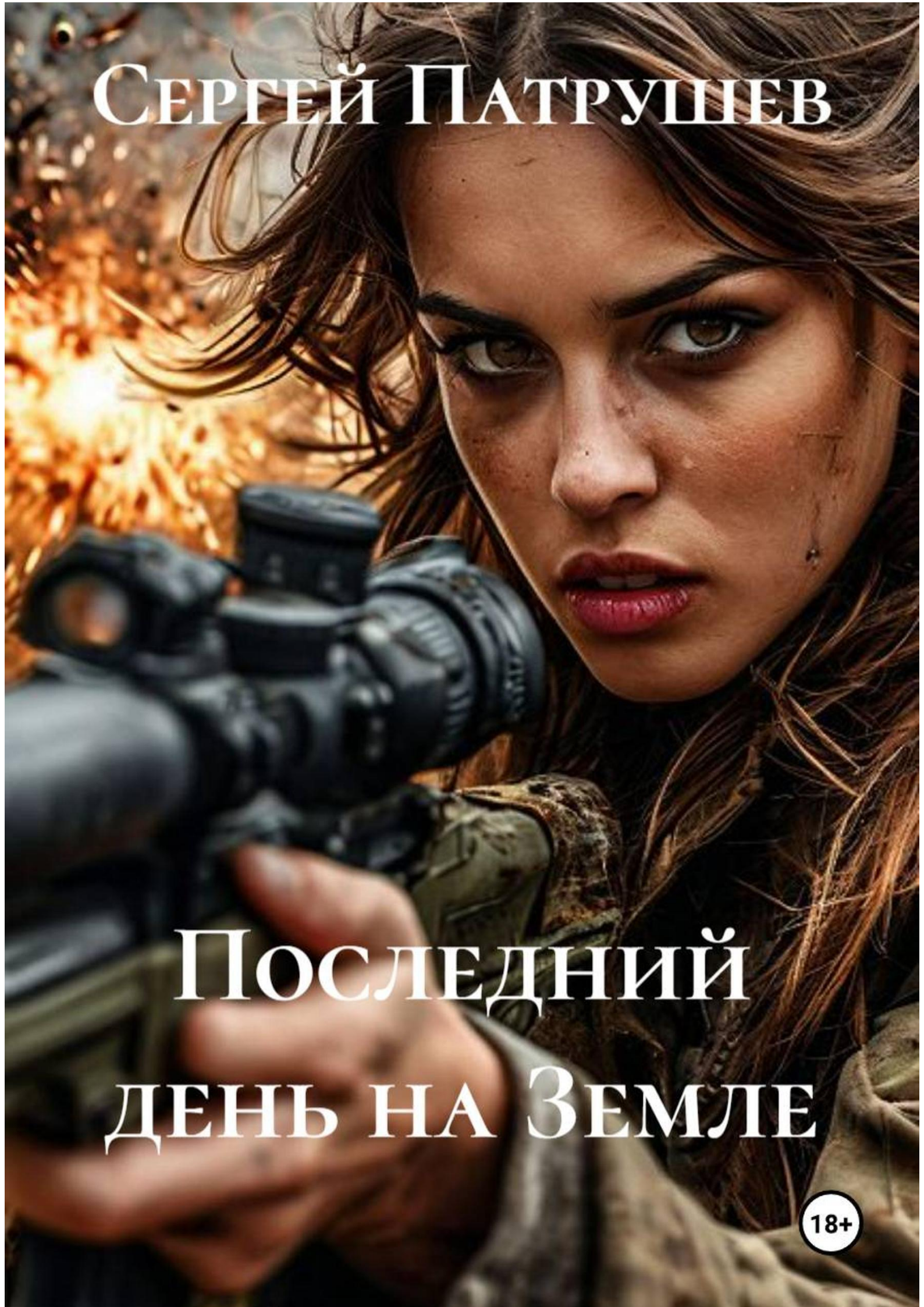

A close-up, high-intensity portrait of a woman with long, dark, slightly messy hair. She is looking directly at the camera with a serious, intense expression. She is holding a black assault rifle with a scope, which is in the foreground, partially obscuring her face. The background is a blurred, fiery orange and yellow, suggesting a war-torn or apocalyptic environment. The overall tone is gritty and dramatic.

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

ПОСЛЕДНИЙ
ДЕНЬ НА ЗЕМЛЕ

18+

Сергей Патрушев

Последний день на Земле

«Автор»

2026

Патрушев С.

Последний день на Земле / С. Патрушев — «Автор», 2026

Мир умирает не от атомного взрыва, а от жадности, лжи и бюрократии. Пока президенты в бункерах делят виртуальный ВВП, корпорации скупают акции оружейных компаний, а чиновники торгуют местами в списках на эвакуацию, обычные люди задыхаются в дыму пожаров и тонут в соляных пустынях высохших морей. Сергей, бывший инженер, человек без иллюзий, и Алиса, женщина, сбежавшая от лживой жизни, отправляются в путь на старом мотоцикле. У них нет денег, нет связей, нет надежды на спасение. Есть только полный бак бензина, доверие друг к другу и любовь, за которую не стыдно умереть. Это роман-дорога сквозь агонию цивилизации, где каждая глава — шаг в бездну. Где вера продается за пачку патронов, где соседи убивают соседей за глоток воды, где человечность становится единственной валютой. Это история о том, что даже когда мир сгорает в лицемерии и жажде наживы, подлинное чувство остается последним оплотом человеческого.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пепел вместо новостей	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сергей Патрушев

Последний день на Земле

Глава 1. Пепел вместо новостей

Сергей проснулся не от резкого, назойливого звонка будильника, который он по привычке, унаследованной с заводских времен, ставил на старом механическом «Полёте», и не от тяжелой, вязкой головной боли, сопровождающей похмелье после выпитой накануне бутылки дешевого виски, а от той особенной, звенящей, почти осязаемой тишины, которая в последние недели всё чаще окутывала его квартиру, словно плотный саван, отрезающий от внешнего мира. Он лежал неподвижно, уставившись в пожелтевший от времени и протечек потолок с расползающимся по штукатурке уродливым пятном, напоминающим очертания какого-то фантастического континента, и напряженно вслушивался в звуки дома, пытаясь уловить привычный, успокаивающий гул старого холодильника, который обычно урчал на кухне, как сытый, довольный жизнью зверь, вибрируя всем своим дряхлым корпусом и заставляя дребезжать стоящие на нем пустые стеклянные банки. Но сегодня холодильник молчал, и от этого молчания веяло чем-то страшным, неотвратимым, как от внезапно остановившихся часов в доме тяжелобольного человека, когда все понимают, что время вышло, но никто не решается произнести это вслух.

Эта гнетущая, противоестественная тишина была красноречивее любых криков, любых сводок новостей и любых правительственных заявлений, потому что она означала, что город, в котором Сергей прожил почти всю свою сознательную жизнь, наконец-то начал отключаться от систем жизнеобеспечения, уходя в глубокую, беспробудную кому, из которой, как он подозревал, уже не будет возврата. Он медленно, словно преодолевая сопротивление невидимой вязкой жидкости, сел на край кровати, спустив босые ноги на холодный, давно не мытый пол, покрытый тонким слоем пыли, смешанной с табачным пеплом, и несколько секунд сидел без движения, пытаясь собрать разбегающиеся мысли в единое целое, выстроить хоть какую-то логическую цепочку, которая позволила бы ему понять, что делать дальше и куда бежать, если бежать вообще имеет смысл.

В его голове не было мыслей о завтраке, не было планов на грядущий день, не было даже элементарного желания встать и умыться, потому что все планы, которые он когда-то строил, умерли несколько недель назад, когда по всем каналам телевидения в очередной раз сменилась риторика, и вместо привычного прогноза погоды, который теперь казался издевательски неуместным, пошли бесконечные «аналитические программы», где холеные, ухоженные эксперты с маниакальным, почти религиозным упорством доказывали, что происходящее в стране и в мире — это вовсе не крах, не катастрофа, не конец цивилизации, а некая «трансформация», «перезагрузка», «переход на новые рельсы», и что нехватка энергии, воды и продовольствия — это временное неудобство, которое, по их словам, должно было закалить нацию и сплотить народ перед лицом трудностей.

Сергей знал цену этим словам, потому что сам когда-то, в молодости, верил в подобную риторику, верил в светлое будущее и в то, что инженеры — это элита общества, призванная вести человечество к прогрессу, но годы работы на заводе, а затем на разваливающемся предприятии, которое высасывало из него все соки, не давая взамен ничего, кроме хронической

усталости и цинизма, вытравили из него эту веру без остатка, оставив лишь сухую, рациональную оболочку человека, который привык полагаться только на себя и на свои руки, умеющие чинить то, что ломается, и ломать то, что мешает жить.

Он подошел к окну, ступая по холодному полу так осторожно, словно боялся разбудить кого-то в пустой квартире, где, кроме него, не было ни одной живой души, и резким, почти злым движением отдернул плотные, пыльные шторы, которые он не открывал уже несколько дней, предпочитая искусственный полумрак реальному свету, казавшемуся ему в последнее время невыносимо ярким и фальшивым. Свет, хлынувший в комнату сквозь немытое оконное стекло, был болезненно-серым, каким-то разбавленным, лишенным жизненной силы, словно само солнце, устав от человеческой глупости, решило укрыться за плотной пеленой облаков, состоящих не из водяного пара, а из мельчайших частиц пепла и пыли, поднятых в атмосферу бесконечными пожарами и взрывами, о которых говорили в новостях лишь вскользь, не вдаваясь в подробности.

Мир за окном выглядел почти так же, как и вчера, как и позавчера, как и неделю назад: те же серые панельные многоэтажки, построенные еще в эпоху развитого социализма, те же припаркованные у подъездов машины, покрытые слоем серой пыли, те же редкие прохожие, кутающиеся в куртки и шарфы, спешащие по своим неотложным делам, которые, как они, вероятно, еще надеялись, имеют хоть какое-то значение. Но что-то неуловимо изменилось в этой картине, что-то сдвинулось в самой структуре реальности, и Сергей, обладавший острым глазом инженера, привыкшего подмечать мельчайшие неисправности в работе механизмов, сразу понял, что именно. На детской площадке, которая обычно была заполнена кричащими, бегающими детьми, сегодня не было ни одного ребенка, качели и карусели стояли неподвижно, покрытые тонкой коркой льда, а на дороге, которая всегда была запружена потоком машин, не было ни одного автомобиля, лишь легкий ветер гонял по асфальту обрывки старых газет и полиэтиленовые пакеты.

Но самым красноречивым признаком надвигающейся катастрофы было то, что ни один светофор на перекрестке, который Сергей мог видеть из своего окна, не работал: все три глаза — красный, желтый и зеленый — были мертвы, погашены, словно кто-то вырвал из тела города его нервные окончания, лишив его способности координировать движения. Город впадал в кому, и это было заметно невооруженным глазом любому, кто хотя бы на минуту оторвался от экрана телевизора, продолжавшего транслировать бодрые, полные оптимизма репортажи о «временных трудностях» и «вынужденных мерах».

Он прошел на кухню, по привычке щелкнул выключателем, хотя уже знал, что это бесполезно, и не удивился, когда свет не загорелся, а лишь раздался сухой, безжизненный щелчок, прозвучавший в тишине как выстрел. Электричество кончилось окончательно и бесповоротно, и теперь его квартира, как и весь город, погружалась в первобытный мрак, из которого человечество когда-то вырвалось с помощью огня и электрической лампочки, чтобы теперь, спустя тысячелетия, вернуться в него снова. Он повернул кран, и из него сначала потекла тонкая, ржавая, пахнущая болотом струйка воды, а потом и она прекратилась, оставив после себя лишь булькающий, предсмертный звук, похожий на последний вздох умирающего. Сергей успел набрать немного этой мутной жидкости в эмалированную кружку, хотя понимал, что кипятить её будет не на чем, и что пить её без кипячения — рискованно, но выбора не было, и он лишь надеялся, что его желудок, привыкший за годы холостяцкой жизни ко всякой дряни, выдержит и это испытание.

Цивилизация отступала не с боем, не с грохотом взрывов и не с героическими речами вождей, а тихо, по-воровски, незаметно, как обанкротившийся должник, сбегающий из гостиницы ночью, не заплатив по счетам, и эта тишина, сопровождающая её бегство, была страшнее любого шума, потому что в ней не было места для надежды, только для холодного, трезвого осознания того, что всё кончено, что поезд ушел, что мосты сожжены, и что теперь каждый сам за себя.

Бывший инженер, а ныне человек без иллюзий, Сергей уже давно понял, к чему всё идет, и это понимание не приносило ему ни облегчения, ни страха, а лишь усталую, всепроникающую апатию, которая, впрочем, не мешала ему оставаться настороже и готовиться к худшему. Мир уже не спасти, но никто, ни один из тех, кто стоял у руля, не хотел этого признавать, потому что признание означало бы крах всей системы, на которой держались их власть, их привилегии и их иллюзии. Люди, обычные люди, которым нечего было терять, кроме своих жалких квартир и сбережений, обесценившихся до стоимости пачки сигарет, предпочитали смотреть ток-шоу, где политики с пеной у рта обсуждали, кто виноват в кризисе, вместо того чтобы просто признать очевидное: ресурсы исчерпаны, планета истощена, а корпорации, дорвавшиеся до власти и денег, грызутся за последние куски, как стая бешеных псов, не замечая, что корабль, на котором они плывут, давно уже дал течь и идет ко дну.

Каждое утро, включая телевизор, Сергей надеялся услышать правду, надеялся, что кто-то из тех, кто имеет доступ к микрофону, наберется смелости и скажет то, что знают все, но что никто не решается произнести вслух, однако вместо этого он слышал лишь истеричный лай пропаганды, приправленный рекламой кредитов, которые никто не собирался отдавать, и средств от стресса, которые давно уже не действовали на измученные нервы обывателей.

Он быстро оделся, выбирая одежду не по сезону, а по принципу практичности и многофункциональности: потертые, но еще крепкие джинсы из плотной джинсовой ткани, черную водолазку, которая хорошо держала тепло и не стесняла движений, старую кожаную куртку, выдававшую виды, но все еще способную защитить от ветра и мелкого дождя. Привычным, давно отработанным до автоматизма движением он проверил карманы, ощупывая их содержимое: ключи от квартиры, которые, вероятно, уже никогда не понадобятся, кошелек с несколькими мятыми купюрами, которые уже почти ничего не стоили и годились разве что на растопку, паспорт, удостоверяющий его личность, хотя сама эта личность уже давно не имела никакого значения для государства, разваливающегося на куски. На поясе, под курткой, в кожаных ножнах висел нож с широким лезвием и удобной рукоятью, который Сергей всегда носил с собой, даже когда выходил в магазин за хлебом, — привычка, оставшаяся с тех времен, когда он ездил в далекие командировки на северные нефтяные месторождения, где нож был не оружием, а необходимым инструментом, способным заменить собой полдюжины других инструментов. Он не был параноиком, не боялся темноты и не верил в зомби-апокалипсис, но знал наверняка, что в этом мире, где всё чаще правит бал не закон, а сила, надейся на лучшее, а готовься к худшему, и что нож на поясе — это не агрессия, а готовность защитить то, что ему дорого.

Он покинул квартиру, не оглядываясь, не задерживаясь у порога, не бросая прощального взгляда на стены, пропитанные многолетним одиночеством и табачным дымом, на книги, которые он перечитывал по сто раз, потому что новые купить было уже негде, на инструменты, разложенные по полкам в аккуратном, инженерном порядке, которые могли бы пригодиться в хозяйстве, но тащить их с собой было некуда и незачем. Всё, что ему было нужно в этой жизни, — это его мотоцикл, старый, но надежный, проверенный временем и тысячами километров, оставшийся с тех времен, когда Сергей еще верил в то, что инженерное дело может

изменить мир к лучшему, что машины, созданные умными руками, способны сделать жизнь людей проще и счастливее. Мотоцикл стоял в подземном гараже, в дальнем углу, накрытый брезентом, как некое сокровище, и это было его единственное достояние, не считая совести, усталости и пачки сигарет в нагрудном кармане.

Выйдя из подъезда, Сергей вдохнул воздух, который в городе всегда был тяжелым, насыщенным выхлопными газами и промышленными выбросами, но сегодня к этому привычному букету добавился новый, зловещий запах гари, причем не обычного дыма от костра, который пахнет дровами и романтикой походной жизни, а чего-то химического, едкого, разъедающего легкие и вызывающего першение в горле, словно где-то неподалеку горел не лес, а целый завод по производству пластика и синтетических материалов. Ветер дул с востока, принося с окраин города этот удушливый смрад, смешанный с мельчайшими частицами пепла, которые оседали на коже и одежде, заставляя чувствовать себя персонажем какого-то мрачного постапокалиптического фильма, ставшего вдруг реальностью.

Он сел на скамейку у подъезда, ту самую, на которой старики обычно судачили о ценах и политике, но которая сегодня была пуста, как и весь двор, и закурил, жадно затягиваясь дымом, который, как ему казалось, мог хоть немного перебить эту химическую вонь, заползающую в ноздри и оседающую на языке. Дым сигареты, впрочем, не мог заглушить этот запах, лишь добавлял к нему свой собственный, горький и терпкий, но Сергей не снимал сигарету с губ, потому что процесс курения, этот ритуал, знакомый до мелочей, успокаивал его лучше любых лекарств. Мысли его, однако, были не о сигаретах и не о запахе гари, а об одном-единственном человеке, о женщине, которая в последние месяцы стала для него единственным источником света в этом всё более сгущающемся мраке. Об Алисе.

Ему нужно было идти к ней, и чем скорее, тем лучше, потому что он чувствовал: время уходит, и с каждой минутой шансы на то, что она сможет покинуть свою квартиру, тают, как утренний туман под лучами безжалостного солнца. Её квартира была в соседнем районе, минут двадцать пешком, но Сергей не спешил, потому что понимал: спешка сейчас — плохой советчик, а бег по пустым улицам может привлечь ненужное внимание. Вчера по новостям, которые он еще успел посмотреть, пока работал телевизор, передали, что в городе объявлено «особое положение», что означало комендантский час, усиление патрулей и право полиции задерживать любого, кто покажется подозрительным, без объяснения причин. Но Сергей не выглядел подозрительным, он выглядел усталым и спокойным, как человек, которому больше некуда спешить и нечего терять, а такие люди, как известно, не вызывают интереса у властей, предпочитающих иметь дело с паникующими и суесящимися.

Он шел через дворы, мимо мусорных баков, переполненных отходами, которые уже никто не увозил, и мимо детских площадок, застывших в безмолвном ожидании, мимо магазинов с заколоченными витринами и аптек, у дверей которых еще вчера выстраивались очереди за валерьянкой и бинтами. В воздухе стоял тяжелый запах гниения, смешанный с запахом гари, и этот запах, казалось, пропитывал всё вокруг: стены домов, одежду, кожу, даже мысли. Город медленно умирал, и это было видно по лицам редких прохожих, которые шли, низко опустив головы, стараясь не смотреть друг на друга, потому что никто не хотел видеть страх в глазах другого человека, страх был личным, интимным переживанием, которое не принято было демонстрировать на публике, словно какую-то постыдную болезнь.

Сергей и Алиса встретились около года назад, в то странное, тревожное время, когда жизнь еще казалась нормальной, но уже чувствовалось, что под этой нормой зреет что-то тем-

ное и необратимое. Это было знакомство, начавшееся с пустяковой ссоры в очереди за продуктами, когда полки уже начинали пустеть, а люди, охваченные ажиотажем, теряли человеческий облик и готовы были перегрызть друг другу глотки за лишнюю пачку гречки. Она случайно толкнула его локтем, пробираясь к кассе, а он, обернувшись, чтобы высказать недовольство, увидел её глаза: серые, глубокие, с искорками вызова и усталости одновременно, и эти глаза ударили его сильнее любого локтя. Они поругались, как и положено незнакомым людям в очереди, а потом, когда конфликт исчерпал себя, оба неожиданно рассмеялись, почувствовав нелепость ситуации, и вечером того же дня сидели в маленькой кофейне, которая каким-то чудом еще работала, и говорили, говорили, говорили, не замечая времени, о том, как нелепо устроен этот мир, как бессмысленны усилия большинства людей, и как трудно найти в этом хаосе что-то подлинное, за что стоило бы держаться.

Алиса была замужем, вернее, жила с человеком, который считался её гражданским мужем и носил гордое имя Игорь. Он был успешным менеджером среднего звена в одной из тех самых корпораций, которые, по иронии судьбы, и довели планету до ручки, высасывая из неё последние ресурсы и отравляя окружающую среду ради ежеквартальных отчетов и бонусов для акционеров. Игорь был красив той гладкой, глянцевою красотой, которая не подразумевает глубины, самоуверен до тошноты и пуст, как барабан, но эта пустота, как ни странно, нравилась многим, особенно тем, кто сам был не слишком наполнен содержанием. Он говорил лозунгами из корпоративных рассылок, верил в то, что «рынок всё отрегулирует», что «кризис — это время возможностей для таких, как он», и что все проблемы — это лишь вопрос правильного менеджмента и оптимизации издержек. Алиса рассказывала Сергею, что Игорь давно ей изменяет, что их отношения — это лишь привычка, совместная ипотека и страх одиночества, который, впрочем, давно уже перегорел в ней, оставив лишь пепел разочарования и равнодушия. Она говорила об этом спокойно, без надрыва, без желания вызвать жалость или сочувствие, и Сергей понимал, что она давно уже приняла решение, просто ждала подходящего момента, чтобы его озвучить.

Их связь не была тайной в классическом смысле этого слова, они не прятались по углам, не шифровали переписку, не вздрагивали при каждом телефонном звонке, но и не афишировали, понимая, что огласка лишь усложнит и без того непростую ситуацию. Сергей, будучи человеком прямым и не склонным к интригам, ждал, когда Алиса сама сделает выбор, и не торопил её, потому что знал: давление в таких вопросах — худший из возможных инструментов. Он был уверен, что она придет к нему, когда будет готова, когда внутренние барьеры, вздвигнутые годами компромиссов и самообмана, рухнут под тяжестью её собственного желания жить, а не существовать. И сейчас, идя по разрушающемуся городу, сквозь запахи гари и разложения, он чувствовал, что этот момент настал, что мир, который когда-то держал их в рамках приличий и моральных обязательств, рушится, и на его обломках больше нет места для лжи, полутонов и недосказанности.

Подойдя к дому Алисы, он увидел, что дверь подъезда распахнута настежь, и это было плохим знаком, предвещающим беду, потому что обычно жильцы тщательно следили за тем, чтобы дверь была закрыта, особенно в последнее время, когда по городу поползли слухи о грабежах и мародерстве, о бандах, которые выламывают двери и забирают всё, что можно унести. Он поднялся на третий этаж, перепрыгивая через две ступеньки, и сердце его колотилось не от физической нагрузки, а от тревоги за женщину, которую он любил больше всего на свете. Остановившись у знакомой двери, обитой черным дерматином, он услышал доносящиеся изнутри голоса, искаженные, но различные.

— Да что ты понимаешь? — кричал Игорь, и его голос был визгливым, срывающимся, полным истерической ярости человека, который впервые в жизни столкнулся с ситуацией, которую не может контролировать. — Ты вообще не смыслишь в экономике! Это не конец света, это коррекция! Нужно просто переждать, пересидеть, затаиться! А ты что предлагаешь? Бежать с этим... с этим неудачником, у которого за душой только ржавый мотоцикл и идиотские принципы? Ты хоть понимаешь, что тебя ждет там, за дверью? Голод, холод, грязь! Ты сдохнешь через неделю!

Алиса не кричала, и это спокойствие, вероятно, бесило Игоря больше, чем любые её слова, потому что оно лишало его возможности играть роль оскорбленной стороны. Её голос был тихим, но твердым, как сталь, прошедшая через горнило сомнений и вышедшая из него очищенной и закаленной.

— Я ничего не предлагаю, Игорь, — сказала она ровно, без тени сомнения. — Я просто ставлю тебя перед фактом: я ухожу. Мне не нужно твое разрешение, твое благословение или твое понимание. Я приняла решение, и оно окончательное.

— Уходишь? — Игорь истерически рассмеялся, и этот смех, переходящий в всхлипы, был похож на звук ломающегося механизма, на скрежет шестеренок, которые вращаются вхолостую, не передавая движения. — И куда ты пойдешь, дура? Там, за дверью, уже не город, а помойка! Ни света, ни воды, ни еды! Там люди сходят с ума от страха и готовы убить друг друга за кусок хлеба! Ты сдохнешь через неделю, слышишь меня? Через неделю!

— Лучше честно сдохнуть за неделю, чем жить вечно в этой лжи, — ответила Алиса, и в её голосе Сергей услышал не браваду, а глубокую, выстраданную правду, которая была для неё важнее любых удобств и гарантий.

Сергей услышал звук разбитого стекла, и представил, как Игорь в приступе бессильной ярости швырнул что-то об стену, возможно, тот самый стакан с виски, из которого он прихлебывал накануне, пытаясь заглушить тревогу. Он не стал больше ждать, потому что ждать означало проявлять слабость, а слабость сейчас была непозволительной роскошью. Он постучал костяшками пальцев по дверному косяку, обозначая свое присутствие.

— Алиса, это я, — произнес он спокойно, но достаточно громко, чтобы его услышали оба.

Дверь распахнулась почти мгновенно, словно она стояла за ней, ожидая его прихода. На пороге стояла она, в простом темном свитере, обтягивающем её фигуру, в потертых джинсах и с рюкзаком, перекинутым через плечо, и в этом её облике было что-то решительное и окончательное, как у солдата, надевшего форму перед боем. Волосы, собранные в небрежный пучок, выбивались прядями у лица, и эти пряди придавали её облику какую-то трогательную беззащитность, контрастирующую с твердостью её взгляда. Глаза блестели, но она не плакала, и этот блеск был не от слез, а от внутреннего напряжения, от энергии, ищущей выхода.

— Привет, — сказала она спокойно, будто они договаривались встретиться в кафе, а не на пороге квартиры, из которой она только что вычеркнула несколько лет своей жизни.

— Привет, — ответил Сергей, переводя взгляд на Игоря, который стоял посреди комнаты, сжимая в руке пустую бутылку из-под виски, и вид у него был жалкий и одновременно опасный, как у загнанного в угол зверя, готового на всё. — Не помешал?

Игорь переводил взгляд с Алисы на Сергея, и его лицо искажала гримаса ненависти и бессилия, та самая гримаса, которая появляется у людей, привыкших к власти и контролю, когда они вдруг осознают, что их власть кончилась, а контроль ускользнул из рук. Он был похож на капризного ребенка, у которого отобрали любимую игрушку, и который не может понять, почему его крики и угрозы больше не действуют.

— А, это ты, — процедил он сквозь зубы, и его голос сочился ядом. — Пришел за своим... призом? Ну забирай! — он махнул рукой, словно отдавал ненужную вещь. — Катитесь оба! Только знай, — он ткнул пальцем в сторону Сергея, и этот жест был полон презрения, — ты подписываешь себе смертный приговор. С моей помощью она могла бы остаться здесь, в тепле и безопасности, а ты тащишь её в никуда, в пустоту, в смерть. Ты хоть понимаешь это?

Сергей не удостоил его ответом, потому что не видел смысла в дискуссии с человеком, который жил в иной реальности, где деньги и связи всё ещё имели значение. Он посмотрел на Алису, и она едва заметно кивнула, давая понять, что готова идти, что всё сказано, что мосты сожжены. Она не взяла с собой ничего лишнего: только рюкзак с самым необходимым — документы, немного денег, которые, вероятно, никогда не понадобятся, смена белья, фотография матери, единственная, которая у неё была, и старая, потрепанная книга стихов Мандельштама, которую она перечитывала в минуты сомнений. Она вышла из квартиры, не оглядываясь, и в этом её движении было столько достоинства и силы, что Игорь, вероятно, впервые за всё время их совместной жизни, увидел её настоящую. Он что-то кричал им вслед, но его слова терялись в гулком подъезде, как эхо чужой, отжившей свое жизни, как звук захлопывающейся двери, за которой остается всё, что было, но чего больше нет.

Они вышли на улицу, и ветер, усилившийся за то время, что Сергей был в подъезде, встретил их порывом, несущим с собой облака серого пепла, словно сам воздух оплакивал этот город, эту страну, этот мир, катящийся в тартарары. Сергей взял Алису за руку, и её ладонь была холодной, но пальцы крепко сжали его руку в ответ, и это пожатие было лучше любых слов, оно означало: я с тобой, я доверяю тебе, я не боюсь.

— Ты в порядке? — спросил он, глядя в её серые глаза, в которых, несмотря ни на что, теплился огонек жизни.

— Теперь да, — ответила она, и в её голосе Сергей уловил нотки облегчения, смешанного с печалью, той печалью, которая сопровождает расставание с прошлым, даже если это прошлое было мучительным.

Они шли молча, не оглядываясь на дом, который остался позади, не оглядываясь на улицы, по которым они ходили вместе в более спокойные времена, не оглядываясь на жизнь, которая закончилась. Им предстоял долгий путь до гаража, где стоял мотоцикл, и Сергей молился про себя, чтобы никто не позарился на его последнее достояние, чтобы ворота были целы, а бензин не слит. По пути они не встретили почти никого: город будто вымер, и лишь изредка из-за занавесок выглядывали испуганные лица, да где-то вдалеке слышался протяжный, тоскливый лай бездомных собак, которые, казалось, тоже понимали, что грядет что-то страшное.

Завернув за угол, Сергей остановился как вкопанный, и Алиса, шедшая рядом, тоже замерла, проследив за его взглядом. На горизонте, в той стороне, где находились промышленные зоны и где когда-то дымили трубы заводов, поднимались в небо несколько столбов дыма, густых, черных, маслянистых, и даже на таком расстоянии казалось, что они источают невыносимый жар, что воздух вокруг них плавится и дрожит, как над раскаленной сковородой. Это были не случайные пожары, не возгорания сухой травы, не бытовые происшествия, это были целенаправленные удары, удары по инфраструктуре, по коммуникациям, по последним оплотам цивилизации.

— Что это? — тихо спросила Алиса, вглядываясь в темнеющий горизонт, и в её голосе не было страха, лишь любопытство и попытка понять логику этого безумия.

— Война, — коротко ответил Сергей, и это слово прозвучало как приговор. — Только не за территории, не за идеологии, не за религию. Это война корпораций за ресурсы. За воду, за топливо, за последние месторождения редкоземельных металлов, за контроль над энергосетями. Они не могут поделить остатки мира, поэтому решили сжечь конкурентов. Им плевать на нас, на обычных людей, на города и села. Мы для них — всего лишь отработанный материал, мусор, который нужно убрать с дороги.

Алиса ничего не ответила, лишь крепче сжала его руку, и в этом пожатии было больше смысла, чем в любых словах. Они понимали, что этот дым на горизонте — начало конца, не абстрактного, далекого, о котором писали в антиутопических романах, а самого настоящего, который уже подступил к их дому, к их жизни, к их судьбам.

Когда они добрались до гаража, Сергей открыл тяжелые, ржавые ворота, которые протестующе закрипели, словно не хотели выпускать их навстречу неизвестности. Внутри пахло бензином и машинным маслом, и этот запах был для Сергея запахом свободы, запахом молодости, когда он гонял по ночным улицам, не думая о завтрашнем дне. Его мотоцикл стоял в углу, накрытый старым брезентом, и в тусклом свете, проникающем через маленькое запыленное окошко, блеснул черный лакированный бак, на котором осела тонкая пленка пыли. Это был его верный товарищ, прошедший с ним не одну тысячу километров по бездорожью и не раз выручавший его в самых безвыходных ситуациях.

— Полный бак? — спросила Алиса, и в её голосе слышалась надежда, та самая надежда, которая нужна человеку, чтобы двигаться дальше.

— Да, — ответил Сергей, поглаживая руль мотоцикла, как гладят шею любимого коня перед дальней дорогой. — Заправил вчера, сам не знаю зачем. Предчувствие, наверное.

— У тебя хорошие предчувствия, — Алиса слабо улыбнулась, и эта улыбка, первая за долгое время, согрела Сергея лучше любого солнца.

Они выкатили мотоцикл на улицу, и Сергей, прежде чем отправиться в путь, провел тщательный осмотр, как делал всегда, даже в мирное время, потому что знал: на трассе нет автосервисов, и любая поломка может стать фатальной. Он проверил давление в шинах, подтянул цепь, протер зеркала, закрепил рюкзак Алисы на багажнике, убедился, что аптечка и инструменты на месте. Он действовал спокойно и уверенно, как человек, который знает, что делает, и эта уверенность передавалась и Алисе, которая стояла рядом, наблюдая за его движениями, и

в её глазах было не отчаяние, а скорее любопытство и решимость, те качества, которые помогают человеку выжить там, где другие сдаются.

— Куда мы поедem? — спросила она, когда Сергей закончил приготовления и выпрямился, вытирая руки ветошью.

Он задумался, и в этой задумчивости не было растерянности, лишь холодный расчет, свойственный инженеру, привыкшему просчитывать варианты. Вариантов было немного, и все они были плохими. Город стремительно превращался в ловушку, и если остаться здесь, их ждала участь тех, кто уже не мог покинуть свои квартиры: голод, холод, отсутствие воды и полная анархия, которая, как он знал из истории, наступает всегда, когда рушится вертикаль власти. Если ехать на восток, к границе, можно было попытаться уйти в леса, подальше от эпицентров боев за заводы и электростанции, но он не знал, что творится в тех местах, возможно, там уже всё захвачено или, наоборот, превращено в выжженную пустыню. Сергей вспомнил старую карту, которую он хранил в бардачке мотоцикла, карту с отметками заброшенных лесных дорог и охотничьих заимок, куда не доходили новости и, как он надеялся, не долетит пепел.

— На север, — ответил он наконец, принимая решение, которое казалось ему наименее безумным из всех возможных. — Там меньше людей, больше лесов, больше шансов найти чистую воду и укрытие. Будем пробираться к старому заповеднику.

— А если там уже всё захвачено? — спросила Алиса, и в её вопросе не было сомнения в правильности его выбора, лишь желание быть готовой ко всему.

— Тогда поедem дальше, — ответил Сергей, и в его голосе прозвучала та спокойная решимость, которая не допускает возражений. — Пока есть бензин, есть и шанс. А когда бензин кончится... — он осекся, подбирая слова.

— Что тогда? — она требовательно посмотрела на него, и в её взгляде был вызов.

— Тогда будем идти пешком, — ответил он, и это был не просто ответ, а программа действий, клятва, которую он давал и ей, и себе.

Алиса кивнула, и это был кивок человека, который принимает условия игры, какими бы суровыми они ни были. Её не нужно было уговаривать, не нужно было объяснять, почему оставаться опасно, а бежать необходимо. Она села на мотоцикл позади Сергея, обхватив его за талию руками, и он чувствовал тепло её тела, прижавшегося к его спине, чувствовал, как её сердце бьется в ритме его сердца, и это тепло было единственным, что сейчас имело значение, единственным, что отличало жизнь от существования.

Они выехали из города по пустым проспектам, и мотор мотоцикла ревел в тишине, как единственный живой голос в этом царстве мертвых. Не работали светофоры, не было пробок, не было полицейских сирен и криков уличных торговцев. Лишь изредка им встречались такие же беглецы: кто-то на велосипедах, кто-то с тележками, груженными скарбом, кто-то просто шел пешком, с детьми на руках и собаками на поводках. Все они двигались в одном направлении — прочь из города, прочь от дыма и страха, прочь от жизни, которая кончилась.

Проезжая мимо центрального вокзала, они увидели огромную толпу, колышущуюся, как море, и гудящую, как потревоженный улей. Люди штурмовали кассы, требовали билеты, дра-

лись за место в очереди, кто-то кричал, кто-то плакал, кто-то просто стоял с остекленевшими глазами, не в силах осознать происходящее. Над площадью висел гул отчаяния, и этот гул, казалось, проникал в самую душу, оседая там холодным осадком. Сергей притормозил, чтобы оценить обстановку.

— Смотри, — он кивнул в сторону вокзала, и Алиса проследила за его взглядом.

На табло, которое каким-то чудом еще работало, горели цифры, и Сергей пригляделся, чтобы разобрать их. Билеты на поезда, уходящие на восток, туда, где, по слухам, еще можно было найти спасение, продавались по цене, сравнимой с человеческой почкой, и это было не метафорой, а суровой реальностью: он знал, что на черном рынке за здоровую почку давали хорошие деньги, но даже этих денег едва ли хватило бы на билет в плацкартный вагон. Люди сходили с ума от безысходности, они готовы были отдать последнее, продать душу, лишь бы выбраться из этого ада, но ад, как известно, не отпускает своих жертв.

— Они продают надежду за бесценок, — тихо произнесла Алиса, и в её голосе была горечь.

— Это не надежда, — ответил Сергей, покачав головой. — Это иллюзия. Поезда не уйдут далеко. Рельсы уже взорваны в двух местах, я слышал по связи, пока она еще работала.

— Откуда ты знаешь? — спросила Алиса, и в её глазах мелькнуло удивление.

— Сосед рассказал, — ответил Сергей. — Он был железнодорожником, знал всю систему изнутри. Говорил, что вся инфраструктура рассыпается: мосты, тоннели, контактная сеть. Их не успевают восстанавливать, потому что нет ни денег, ни материалов, ни людей. Поезда, которые уйдут, обречены.

Сергей снова повернул ручку газа, и мотоцикл, взревев, как дикий зверь, рванул вперед, оставляя позади вокзал, толпу, крики и слезы. Они не будут сидеть и ждать поезда, который никогда не придет, они не будут платить неподъемную цену за иллюзию спасения. Они сами построят свой путь, сами станут своим спасением, и в этом была их сила и их свобода.

Выехав за пределы города, Сергей остановился на обочине, на небольшом холме, с которого открывался вид на город, оставшийся внизу, как на дне гигантской чаши. Он заглушил двигатель, и в наступившей тишине слышно было только, как ветер свистит в проводах, тянувшихся вдоль дороги, да где-то далеко, на грани слышимости, гудят пожары. Алиса слезла с мотоцикла и встала рядом с ним, и они стояли так несколько минут, глядя на серые коробки домов, на изломанные линии дорог, на заводские трубы, извергающие черный дым, на город, который был их домом, а теперь выглядел как рана на теле земли, как гнойник, прорвавшийся и отравляющий всё вокруг.

— Мы не вернемся сюда? — спросила Алиса, хотя ответ был очевиден.

— Нет, — ответил Сергей, и в его голосе не было ни сожаления, ни ностальгии, лишь констатация факта. — Мы не вернемся.

Он обнял её за плечи, притягивая к себе, и она прильнула к нему, положив голову на его плечо, и так они стояли, словно прощались с прошлым, которое умирало у них на глазах,

рассыпаясь в пепел. Впереди была неизвестность, дорога, полная опасностей, лишений и, возможно, смерти, но и свободы, той самой свободы, которую не купишь за деньги и не получишь по наследству. Свободы от лжи, от корпоративных лозунгов, от страха перед завтрашним днем, от необходимости играть роли, которые им были ненавистны. Они не знали, что ждет их за ближайшим поворотом, но были уверены в одном: они больше не одни, и это было самое главное.

Наконец, Сергей первым нарушил молчание, потому что понимал: время не ждет, и каждая минута промедления уменьшает их шансы на выживание.

— Нам нужно ехать, — сказал он, и его голос был тверд. — Пока не стемнело, надо уйти как можно дальше от города. Ночью дороги будут опасны.

Алиса кивнула, и в этом кивке была та же решимость, что и в его словах. Они снова сели на мотоцикл, и Сергей завел двигатель, который заурчал ровно и мощно, как зверь, готовый к долгой охоте. Мотоцикл тронулся с места, и вскоре они мчались по пустому шоссе, оставляя за спиной лишь клубы пыли и запах гари, который, казалось, преследовал их, как проклятие.

Сергей не строил иллюзий, он был слишком опытен для этого. Он знал, что путь будет трудным, что не будет мотелей с горячей водой, не будет заправок на каждом углу, не будет закусочных, где можно перекусить. Будет голод, будет холод, будет боль от неудобных поз и долгих часов в седле. Будут, возможно, встречи с людьми, которые потеряли человеческий облик, с бандитами, с мародерами, с теми, кто готов убить за глоток воды. Но рядом была Алиса, её руки, обвивающие его талию, были для него лучшим компасом, лучшим ориентиром в этом безумном мире. И пока она рядом, пока бьется её сердце в унисон с его сердцем, у него есть причина бороться, есть причина жить, есть причина идти вперед, даже когда всё вокруг говорит о том, что дальше — только тьма.

Они ехали навстречу заходящему солнцу, которое окрашивало небо в багровые, кровавые тона, словно сама природа оплакивала этот мир, умирающий в огне и лжи, в жадности и равнодушии. Но в этом багровом свете было и что-то очищающее, что-то первобытное и мощное, как огонь, который уничтожает старое, чтобы дать место новому. Словно после того, как всё сгорит дотла, останется только пепел, из которого, возможно, родится что-то новое, что-то настоящее, что-то, ради чего стоит жить.

Алиса прижалась щекой к спине Сергея, закрыв глаза, и не думала о будущем, о том, что будет завтра, через неделю, через месяц. Она просто жила этим моментом: запахом бензина, смешанным с запахом его кожаной куртки, ощущением скорости, ветра, бьющего в лицо, вибрацией мотоцикла, передающейся через всё тело. Она уходила от старой жизни без сожалений, без оглядки, без желания что-то исправить или вернуть. Человек, с которым она делила кров, был для неё давно чужим, а квартира, в которой она прожила несколько лет, — лишь декорацией, сценой, на которой она играла не свою роль, роль, навязанную обществом, обстоятельствами, страхом одиночества.

Теперь всё было по-настоящему, всё было всерьез, и это ощущение подлинности, ощущение того, что каждый прожитый миг имеет значение, наполняло её энергией, которой она не чувствовала уже много лет. И пусть мир вокруг рушился, рассыпаясь на куски, как картонный домик, её внутренний мир, наконец, обрел целостность, обрел смысл, обрел направление. Она была с тем, кого любила, и это было единственное, что имело значение.

Сергей смотрел на дорогу, убегаящую под колеса, и в его голове не было места страху, потому что страх — это роскошь, которую не может позволить себе человек, отвечающий не только за себя, но и за того, кто ему доверился. Он был инженером, человеком практического склада ума, привыкшим оценивать риски и просчитывать варианты, и он знал, что самые страшные враги сейчас — не корпорации, не бандиты, не голод и холод, а паника и бездействие, те два демона, которые парализуют волю и заставляют человека сдаться без боя. Пока они едут, они живы, пока они движутся, у них есть шанс, пока они вместе, они непобедимы.

Он прибавил газу, и мотоцикл, послушный его воле, взревел громче, унося их дальше, прочь от дыма, прочь от пепла, прочь от прошлого, которое умирало позади. Впереди был новый мир, жестокий и опасный, но настоящий, мир, в котором не было места фальши и лицемерию, мир, где выживали только те, кто умел любить и бороться. И в этом мире у них был только мотоцикл, полный бак бензина и любовь, за которую не стыдно умереть.

Первый день из последних начался, и никто не знал, сколько их еще будет, этих дней, наполненных болью, надеждой, отчаянием и, возможно, счастьем. Одно было ясно: каким бы ни был этот путь, они пройдут его вместе, до конца, каким бы этот конец ни был.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.